

По обычным правилам поведение парней из семьи Чжан, за исключением девятилетнего, тянуло на отправку в полицейский участок. И дело было вовсе не в том, что начальник Ли хотел их выгораживать. Просто нынешние законы суровы, до крайности суровы.

Вот типичный пример:

Один молодой человек за блуд был приговорён к пяти годам тюрьмы. С началом кампании по суровому подавлению преступности приговор пересмотрели и дали пятнадцать лет. Парень не смирился, подал апелляцию. Как раз подоспела вторая волна кампании, и поскольку на полноценное уголовное дело улик не хватало, его притянули за уши и приговорили к смертной казни. (Реальный случай)

Если в те времена кто-то преступал закон, никто и в мыслях не смел бросить легкомысленную фразу вроде: «Подумаешь, посидит пару месяцев». Даже такая бесстыдная и наглая баба, как Чжан Эрмэй, услышав, что её сыновей собираются арестовать, затряслась от страха.

Конечно, до смертной казни дело бы не дошло, но если передать дело наверх, то, учитывая справку Цзи Юаня об угрозе жизни, лет десять им было обеспечено. Через десять лет они состарятся, да ещё и с судимостью — биржа труда наверняка откажется выделять им рабочие места. Разве жизнь братьев Чжан на этом не закончилась бы?

Из соображений заботы о сельской молодёжи начальник Ли не хотел ломать парням судьбы.

По обычному сценарию урегулирования соседских конфликтов, первыми были неправы Чжан, а семья Цзи разгромила их имущество — на этом стороны и квиты. Никто не виноват, провели бы примирение, выплатили компенсацию, да и разошлись с миром.

Кто же знал, что объявится этот посторонний человек? С виду такой интеллигентный и сговорчивый, а действует изощрённо. Разделил одно дело на два: сначала закрыл вопрос с погромом, учинённым семьёй Цзи, а затем стал дожимать Чжан до самого конца. К тому же он сыпал статьями закона одну за другой, разбираясь в них лучше самого старого милиционера. Уж не адвокат ли он из тех самых гонконгских фильмов?

С каких это пор семья Цзи стала знаться с такими опасными людьми?

Сам Цзи Юань не до конца осознавал всю степень произвола и суровости судебной системы той эпохи. Он вовсе не планировал как-то особо мстить братьям Чжан, а прадедушку Цзэна позвал главным образом ради правового просвещения.

Поведение братьев Чжан в любом случае тянуло на телесные повреждения — по крайней мере, их следовало задержать на пару дней, чтобы дошло до них! Нельзя же отмахнуться фразой «это просто шалость». Иначе они будут «шалить» каждый день, а что если однажды случится беда?

Увидев, что Чжан Эрмэй по-прежнему не желает признавать вину, Цзи Юань тоже разозлился. Он ухватился за полу одежды прадедушки и испуганно спросил:

— Прадедущка Цзэн, а дядины сыновья будут и дальше со мной так шутить? Мне страшно.

Прежде чем Цзэн Ихуа успел ответить, Цзи Цзяньго и Ли Шулань потеряли терпение. Ли Шулань подхватила сына на руки и с мрачным лицом произвела выпад:

— Братец Цзяньцзюнь, если ты не займёшься этим вопросом, мы поедем жаловаться в город.

Материнское сердце полно сил — видя, как перепуган сын, Ли Шулань больше не собиралась терпеть. Она твёрдо решила: вернувшись домой, обязательно разыщет юридические книги. Знай она законы раньше, не пришлось бы слепо верить каждому слову полицейского участка.

Начальник Ли вовсе не собирался рисковать своей должностью ради семейства Чжан Эрмэй. Не обращая внимания на её вопли и истерику, он велел привести трёх отпрысков Чжан, которые прятались по домам.

Те самые трое наглецов, что так дерзко толкали людей, едва переступив порог участка, задрожали от страха. Услышав про десять лет тюрьмы, младший, Чжан Синь, ревмя заревел:

— У-у-у, я не виноват! Это старший брат сказал, что надо проучить дурачка из семьи помещика, это не я!

Чжан Мин от страха побелел как полотно. Чжан Эрмэй рухнула на пол и принялась кататься, собираясь закатить истерику, но начальник Ли яростно хлопнул по столу:

— Вопи! Вопи давай, ещё раз вякнешь — и тебя следом загрему!

Чжан Эрмэй покраснела до свинцового цвета, безвольно распласталась на полу и не смела пошевелить и пальцем.

Грозно рассуждая на словах, на деле ни Цзэн Ихуа, ни семья Цзи вовсе не собирались отправлять братьев Чжан за решётку. Нынешние законы и впрямь слишком суровы, они сами этого боялись — без смертной вражды никто бы так не поступил.

Что до самого Цзи Юаня, то с его мышлением из будущего он считал, что достаточно просто преподать им урок.

В конце концов начальник Ли вынес решение: семья Цзи освобождалась от выплаты компенсации за ремонт дома Чжан; трио братьев Чжан обязано принести Цзи Юаню публичные извинения в письменной форме, а также выплатить сто юаней на лекарства и

усиленное питание.

Средняя месячная зарплата в ту пору составляла около двадцати пяти юаней. Расстаться с суммой, равной четырём зарплатам, было серпом по сердцу для Чжан Эрмэй, но ради сыновей ей пришлось согласиться.

Семья Цзи осталась крайне довольна таким исходом. Оставив дело Чжанов в стороне, все вокруг заинтересовались: с чего это вдруг Цзи Юань заговорил? Да и на дурачка он больше совсем не похож.

Цзи Юань по привычке захлопал большими глазами, изображая послушание и невинность.

Он же ребёнок! Он ничего не знает!

— Душа вернулась! Обязательно вернулась! — не дожидаясь объяснений Цзи Юаня, уверенно заявили старики. — Раньше душа Юань-юаня отсутствовала, а когда он упал в реку, она наконец вернулась на место.

Эту версию поддержало подавляющее большинство. Вторая тётушка взволнованно сложила руки:

— Благодарю бодхисаттву... Тыфу ты, благодарю председателя за защиту! Цзяньго, Шулань, обязательно сходите воскурить благовония председателю, это точно он защитил Юань-юаня.

— Есть! — громко отозвался Цзяньго.

Будучи представителями молодого поколения, выросшего при новом обществе, Цзи Цзяньго и Ли Шулань не верили ни в каких духов и божеств. Но их глупый сын вдруг чудесным образом исцелился — такое действительно поражало воображение, и они невольно подумали: а вдруг в той реке и правда таилось нечто... что вернуло их ребёнка к жизни?

Сейчас государство изо всех сил боролось с феодальными суевериями, и они ни за что не осмелились бы идти с благовониями к реке. Но переполнявшую их благодарность и желание воздать кому-то должное нужно было куда-то выплеснуть, так что предложение поклониться председателю они приняли быстро и решительно.

Портрет председателя и так висел на стене в доме. Домочадцы приставили к стене жертвенный столик, зажгли свечи и благовония, зарезали петуха, оросили его кровью ритуальную бумагу и сожгли её.

Цзи Юань, окруженный со всех сторон родственниками, стоял на самом видном месте и с крайне озадаченным выражением лица участвовал в этом открытом акте феодального суеверия прямо перед портретом председателя.

Ли Шулань вложила ему в руки три палочки благовоний. Он принял их и послушно поклонился вместе с семьей, касаясь коленями пола.

Обе тётушки были самыми истовыми верующими: держа благовония, они прижимались лбами к земле и непрерывно бормотали:

— Спасибо председателю за защиту нашего Цзи Юаня! Покровительствуй ему и впредь, пусть растёт крепким и здоровым, пусть в учебе сопутствует удача. Береги всех потомков рода Цзи, чтобы жили в мире и безопасности. Я буду приходить сюда каждый праздник Цинмин, жечь для тебя бумагу и ставить благовония ежедневно.

Цзи Юань мысленно вздыхал: он был уверен, что, хотя тётушки на словах взывают к председателю, в мыслях они молятся какому-нибудь Будде или бодхисаттве. Бросив незаметный взгляд в сторону, он заметил на лицах молодого поколения семьи Цзи выражение беспомощной обреченности. Лишь старшие члены семьи благоговейно утыкались лбами в пол.

По завершении обряда вторая тётушка погладила Цзи Юаня по голове и произнесла:

— Ну вот и всё, теперь твоя душа укрепилась на месте.

Затем она сурово наказала Ли Шулань:

— Юань-юань только что вернулся, зажигай три палочки благовоний каждый день, не ленись. Только так душа задержится, иначе она опять упорхнет.

Говорила так, будто сама всё это видела своими глазами.

Ли Шулань изначально планировала откланяться лишь единожды, но от этих слов её аж передернуло. Разумом она понимала, что это вздор, но рисковать сыном не смела и с той поры действительно ежедневно воскуряла три палочки благовоний председателю.

Цзи Юань: «.....»

Именно так в прежние времена дурили народ всякие деревенские шаманки!

У тётушки явно был талант к колдовству.

На следующий день муж Чжан Эрмэй принёс сто юаней. Сама Чжан Эрмэй приходит с извинениями, разумеется, не стала, а вместо этого голосила на всю округу у себя дома:

— За что же доля моя такая горькая... Черносердечные помещики... Хотят довести нас с

сыночком до смерти...

Этот плач долетал даже до двора Цзи. Впрочем, его специально горланили так громко, чтобы соседи слышали.

Муж Чжан Эрмэй, Ли Чжу, сохранял совершенно невозмутимый вид. Обратившись к Цзи Цзяньго, он произнес:

— Братец Цзяньго, ты не обращай внимания, она всегда такая.

И тут же подвинул Цзи Юаню пакет с грушами:

— Юань-юань, прости нас. Твоих старших братьев дурно воспитала улица.

Цзи Юань кивнул, улыбнулся и вежливо ответил:

— Спасибо, дядя Ли.

Ли Чжу был примаком, в семье царила страшная нищета. После женитьбы старшего брата средств на ещё одну жену в семье уже не оставалось. Ни о каком новом доме и речи не шло — даже свободной комнаты в избе не нашлось, вот ему и пришлось идти в примачи. Ел он у Чжан, жил у Чжан, даже рабочее место ему выхлопотали родственники жены, так что расправить плечи он не мог.

Когда Чжан Эрмэй затевала ссоры с соседями, поначалу он испытывал стыд и пытался её урезонить, но со временем привык и махнул рукой.

Сколько себя помнил Цзи Юань, Ли Чжу всегда ходил с таким стоическим выражением лица.

Разумеется, Цзи Юань не собирался перекладывать вину Чжан Эрмэй на него — дядя Ли и так заслуживал жалости.

Цзи Цзяньго тоже сочувствовал Ли Чжу и по-войски тепло пригласил его к столу:

— Оставайся-ка пообедать... При нынешних порядках дома тебе всё равно ничего не перепадёт.

Ли Чжу не раздумывая кивнул. Дома всё равно царил разгром, и он не видел причин морить себя голодом ещё и в гостях. Так два мужчины, чьи семьи ещё вчера едва не пошли стенка на стенку, дружно сели за трапезу и пропустили по рюмочке.

Полученную сотню юаней старик Цзи Лаогэнь разделил следующим образом: выдал по

тридцать юаней двум ветвям семьи в благодарность за помощь, тридцать оставил на домашние расходы, а десять выделил Цзи Юаню на карманные расходы.

Узнав об этом, Цзи Юн едва не захлебнулся слюной от зависти:

— Столько денег! Да ты теперь богатей, не меньше!

— Разве много? — улыбнулся Цзи Юань. — Я ведь никогда в жизни сам деньги не тратил!

Цзи Юн энергично закивал:

— В лавке конфетка стоит всего копейку — ты же можешь купить гору сладостей! Хлопушки — две мао за связку, а обёртки с картинками по пять фэней...

Он увлеченно перечислял всё, что любил поесть и с чем обожал играть. Для него десять юаней и правда были астрономической суммой, на которую можно закупить уйму игрушек.

Но Цзи Юаня эти детские радости не интересовали. Он попросил Цзи Юна отвезти его на почту, чтобы оформить для дедушек из фермерского хозяйства подписку на газеты. У самих дедушек уже выписывались «Новости дня» и «Юридический вестник», поэтому Цзи Юань добавил к ним другие издания. После этого они заглянули в пункт приема макулатуры, купили стопку старых книг и газет, упаковали их в ящик и вместе с Цзи Юном на велосипеде отвезли на ферму старикам.

В те десять лет, пока Цзи Юань читал себя дурачком и не мог самостоятельно даже поесть, уход за ним был тяжелейшим бременем. Помимо близких, терпеливо ухаживали за ним лишь дедушки из трудового лагеря. Родственники из семьи Цзи тоже относились к нему хорошо, но у каждого хватало собственных детей, и возиться с кормлением с ложечки изо дня в день у них просто не было терпения. Теперь, когда разум вернулся, Цзи Юань считал своим долгом отплатить им добром.

Старики с фермы проявляли жгучее любопытство к чудесному исцелению Цзи Юаня. На все их расспросы мальчик неизменно отвечал фирменным морганием глаз:

— Я же ребёнок! Я ничего не понимаю!

Один дедушка-врач с глубоким сожалением вздохнул:

— Жаль, аппаратуры здесь никакой нет, а то бы заняться обстоятельным исследованием! Глядишь, это стало бы вехой в развитии отечественной медицины.

Цзи Юань сделал вид, что ничего не понимает. Попасть в лапы для опытов ему ни капли не

улыбалось!

Шедший рядом Цзи Юн тут же вставил:

— Если уж исследовать, то реку, в которую упал Юань-юань! Моя бабушка говорит, в ней водятся духи!

Не успел он договорить, как тут же схлопотал подзатыльник. Рассуждать о феодальных суевериях перед лицом строителей социализма — верный способ схлопотать тумачков.

Проведя с дедушками весь день, Цзи Юань и Цзи Юн ближе к вечеру засобирались домой. Сидя на багажнике велосипеда, Цзи Юань пересчитал деньги в кармане и с удивлением обнаружил, что они успели потратить чуть больше двух юаней, почти ничего не купив. Десять юаней таяли под руками взрослых с невероятной скоростью.

— Юань-юань, приехали.

Цзи Юн припарковал велосипед под окнами дома Цзи и ловким движением ссадил мальчика на землю.

Хотя разница в возрасте составляла всего пять лет, габаритами они отличались разительно.

— Югэ, держи.

Цзи Юань протянул кузену пять юаней.

Цзи Юн замер, и лицо его мгновенно помрачнело:

— Это ещё зачем?

Вспомнив, что накупил всяких игрушек, он решил, что Цзи Юань заподозрил его в нечистоплотности, и страшно обиделся.

Теперь уже замер Цзи Юань, искренне не понимая причин такой бурной реакции.

— Это тебе на расходы, Югэ.

Независимо от того, чувствовал ли он себя старшим по возрасту души или младшим братом, о котором заботились, он твёрдо вознамерился поделиться деньгами с Цзи Юном.

— Мне не нужно!

Чувствуя, что его старшебратское достоинство задета, Цзи Юн решительно взялся за руль, собираясь уходить. Цзи Юань поспешно ухватил его за рукав.

Пусть он и не улавливал до конца причины гнева, но нрав кузена изучил неплохо, а потому поспешил сдобрить слова лаской:

— Я хочу, чтобы Югэ и дальше брал меня с собой гулять.

— А?

Цзи Юань задрал голову и умоляюще захлопал ресницами:

— Я совсем не умею выбирать игрушки, да и друзей у меня нет. Отдам деньги Югэ, пусть он поможет мне купить всё самое лучшее и разрешит со мной поиграть, хорошо?

Гнев Цзи Юна мгновенно испарился, и он потрепал мальчика по голове:

— Мог бы побегать с Цзи У и остальными.

В семье Цзи оставалось еще несколько дворовых братьев и сестер примерно того же возраста. Цзи Юань не испытывал к ним неприязни, но играть с настоящими десятилетними детьми он был просто не в состоянии. Прошлым месяцем он собственными глазами наблюдал, как Цзи У сотоварищи лепят куличики из грязи — и как прикажете к ним присоединяться?

Мысль проводить время с Цзи Юном выглядела куда привлекательнее. Тот уже перерос возраст ураганных мальчишек, и его досуг наверняка сводился к мячу да походам по холмам, что Цзи Юаня вполне устраивало. А потому он принялся канючить с удвоенным усердием:

— Я хочу играть именно с Югэ! Разве Югэ не любит Юань-юаня?

Голосок ребёнка, чей голос ещё не начал ломаться, звучал чисто и звонко, а детские капризы отдавались невыразимой, умилительной нежностью.

Устоять перед этим было невозможно — его обезьяний младший братец никогда в жизни не вёл себя так ласково.

— Ладно уж, деньги твои беру. Ручаюсь, достану тебе самые лучшие игрушки на свете!

По одному только тону было ясно, что Юн выберет то, что нравится ему самому. Цзи Юань

лишь рассмеялся и кивнул. В конце концов, деньги предназначались именно Цзи Юну, так что пусть покупает что душе угодно.

Следующие несколько дней Цзи Юн не показывался. Слыша от деда, что тот закупал связки хлопушек, Цзи Юань лишь улыбался про себя — мальчишкам свойственно возиться с пиротехникой.

Неделю спустя Цзи Юн прикатил на велосипеде:

— Юань-юань, прыгай на раму, брат покатает!

Раньше Цзи Юн тоже частенько присматривал за ним, но в основном они сидели дома, ведь Цзи Юань считался непутёвым, и потерять его на улице было проще простого. Вывозить его куда-то на прогулку приходилось впервые.

Пускай Цзи Юань и прожил в посёлке Биньцзян целых десять лет, хорошо знал он лишь дорогу до фермы. Места же, по которым нёсся велосипед теперь, были ему абсолютно незнакомы.

Они пронеслись мимо незнакомых многоэтажек у шоссе, свернули в узкий переулок. Гравий звонко и гулко хрустел под шинами, крыши домов по обе стороны ссужались, погружаясь в сумеречную тень, как вдруг пространство резко распахнулось. Миновав жилой сектор, они выехали к просторному лугу, посреди которого бежала извилистая речушка.

Цзи Юань невольно выдохнул восторженное «вау». Эта река казалась куда шире той маленькой речки, что пересекала посёлок; на солнце вода серебрилась чистым, прохладным блеском, от одного вида которого веяло свежестью.

— Югэ, мы что, будем купаться?

— Купаться — это скучно! То ли дело сейчас!

В голосе Цзи Юна звучала такая уверенность, что предвкушение Цзи Юаня только усилилось.

Проехав ещё немного вдоль обширных овощных наделов, они наконец добрались до места.

То был верхний приток реки, заброшенный и уединенный уголок, куда, судя по всему, редко ступала нога человека. Земля здесь была влажной и скользкой, сплошь покрытой изумрудным мхом.

Цзи Юн припарковал двухколесного коня и по привычке подхватил Цзи Юаня под мышку, опуская на траву:

— Прибыли. Погоди, сейчас подойдут приятели.

Ждать пришлось недолго — вскоре из-за поворота показалось несколько велосипедов. Возглавлявшая ватагу компания подростков показалась Цзи Юаню смутно знакомой — то были те самые парни с забора у полицейского участка.

Хотя держались они развязно, словно уличная шпана, стоило им выстроиться в ряд, как от них повеяло знакомым духом армейской дисциплины.

Как рассказывали дома, когда-то давно Цзи Юна вне очереди зачислили в отряд хунвэйбинов, что подавало школе большие надежды, и тогда же там сформировали резервный отряд из детей помладше.

Комитет по делам революции жил идеями непрекращающейся холодной войны: пока остальные зубрили грамоту, подопечные Цзи Юна изучали в школах штыковой бой, партизанщину, минное дело и стрельбу по мишеням.

Их тренировали по стандартам, которые чиновники ревкома считали подходящими для настоящих солдат, с расчетом, что при первом же призыве эта молодежь отправится прямо на фронт. Подростки перед ним явно принадлежали к числу вышколенных молодых боевиков.

По счастью, власть хунвэйбинов рухнула вовремя — шалопаи не успели натворить серьезных бед и тихо вернулись за парты, сохранив лишь кое-какие армейские привычки.

Шдший впереди парень по кличке малыш Сун бросил косой взгляд на Цзи Юаня и беззлобно поддел кузена:

— Цзи Юн, ты теперь что, нянькой подрабатываешь?

Цзи Юн фыркнул:

— Хлопушки куплены на деньги моего младшего брата. Будешь играть или нет?

Малыш Сун развел руками:

— Ладно, давай!

— Вещицу приготовили?

— Готово.

Следом шедший подросток подтащил плотно набитый мешок и приоткрыл его на мгновение перед глазами Цзи Юна. Тот расплылся в довольной улыбке. Приподнявшись на цыпочки, Цзи Юань заглянул внутрь и увидел лишь до отказа набитую старую вату — ничего подозрительного с краю заметить не удалось.

Вся ватага привычно двинулась вдоль русла к верховьям, и спустя десяток минут перед ними вырос невысокий гидротехнический узел.

Цзи Юн с гордостью пояснил:

— Эту плотину построили для защиты от засухи, но так толком и не задействовали. С виду она мелкая, а на деле тут глубоко. Мы часто плаваем здесь, да и рыбы полно.

— Ого, мы всё-таки будем купаться? — уточнил Цзи Юань.

— Неа, кое-что поинтереснее! Спасибо твоему брату за деньги на хлопушки, — малыш Сун потрепал Цзи Юаня по плечу. — Первым бросать будешь ты.

— Юань-юань, иди сюда, ближе к краю.

Цзи Юн подтолкнул его к обрывистому берегу водохранилища и с азартом произнес:

— Ужас как весело! Протягивай руки.

Цзи Юань послушно выставил ладони, и Цзи Юн выудил из объемистого мешка грязевой шар. Тот был овальной формы, чуть больше детской ладони, тяжелый — судя по всему, внутри пряталось немало увесистых камешков. Снаружи ком был плотно облеплен темно-желтой глиной, а на макушке торчал короткий хвостик фитиля... Секунду. Фитиль?!

Не дожидаясь ответа, Цзи Юн чиркнул спичкой, поджог фитиль и подмигнул остолбеневшему мальчику:

— Ну-ка, Юань-юань, закинь в воду, погляди, что получится!

И без тебя бы догадался!

Цзи Юань молниеносно швырнул снаряд подальше от берега, и в следующий миг глухой удар взрыва взметнул фонтан брызг.

Мальчика окатило водой с головы до ног, а Цзи Юн залился счастливым хохотом:

— Ха-ха-ха, круто же, правда?

Цзи Юань: «.....!!»

Его материнская душа едва не покинула тело — эта банда сорванцов использовала его деньги на производство самодельной взрывчаткой отравы!

На водной глади тут же всплыли пузом кверху две рыбины, и кто-то из подростков сноровисто зачерпнул их сетью. Малыш Сун заглянул в улов и скривился:

— Мелковата. Не рассчитал ты с моментом броска.

Цзи Юн гордо задрал нос:

— Мелкий в первый раз швыряет, для дебюта неплохо. Дергаем наперегонки?

— Было бы желание, погнались!

Судя по всему, развлечение было привычным. Подростки один за другим принялись забрасывать в воду импровизированные бомбы, соревнуясь, чей улов окажется богаче. Цзи Юань стоял в сторонке, совершенно не представляя, какое выражение лица следует принять.

В прошлой жизни он трудился инженером-оружейником и даже имел воинское звание, но лишь потому, что его научный руководитель числился академиком военно-промышленного профиля. Сам он оставался типичным затворником, способным лишь на научный поиск, и бойцом не был. Детство и юность прошли за учебниками без единой попытки похулиганить, так что оценить степень безумия местных мальчишек ему было трудно.

Подрывать рыбу самодельными бомбами в его родном времени считалось тяжким преступлением против экологии и общественной безопасности; за прогулку с таким арсеналом по улице спецназ подняли бы по тревоге.

Здесь же глушение рыбы никого не удивляло. Многие семьи мастерили взрывчатку кустарно, и если дома нечего было жрать, мужики отправлялись на реку добывать ужин. Никто не упрекал их в браконьерстве, да и милиция на подобные мелочи закрывала глаза.

Рассуждая здраво, с высоты познания Цзи Юань понимал всю пагубность затеи. Но вспомнив, что у каждого второго в посёлке дома припрятаны охотничьи ружья — сущая мелочь по сравнению с будущими временами, когда даже игрушечные пневматические пистолеты стали вне закона, — он махнул рукой.

Телевизоров и компьютеров нет, радиоприемник — роскошь, детвора предоставлена сама себе,

так что излишняя дикость в порядке вещей.

Спустя четверть часа компания наловила добрый десяток рыбин, быстренько выпотрошила их на берегу и нанизала на прутья для жарки. Цзи Юань взял одну палочку, чтобы помочь с готовкой. Разница в возрасте сказывалась — общих тем для разговоров с этой шантрапой у него не было, так что он предпочитал молчать.

Малыш Сун меж тем проявил к нему интерес и прямолинейно поинтересовался:

— Юань-юань, Цзи Юн сказывал, будто ты прежде дурачком ходил. И впрямь так? И правда после падения в реку умнее стал?

— Конечно правда.

<http://bllate.org/book/22417/2353559>